

Перебирая пожелтевшие страницы фронтовых газет, я вспомнил историю одного воздушного боя. События протекали так.

В декабре 1942 года на Северо-Западном фронте началась генеральная подготовка к ликвидации немецкого плацдарма в районе города Демьянска. Этот плацдарм глубоко вклинивался в нашу оборону и сдерживал значительные силы наших наземных войск. Немецкое командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы удержать позицию, которая была связана с основными силами гитлеровских войск узким Рамушевским коридором, сильно укрепленным и почти неприступным для наших механизированных соединений. Плацдарм был окружен непроходимыми болотами.

Советские части усиленно вели разведку. Число работавших штабы. Подтягивались и перестраивались войска. Напряженность нарастало с каждым днем. Мы чувствовали, что назревают большие события. Бойцы оживились, подтянулись. Радовали сводки Совинформбюро со Сталинградского фронта. Долго мы ждали этого счастливого момента.

К тому времени, наш 153-й истребительный авиационный полк перебазировался на прифронтовой аэродром. Кроме нашего полка, здесь стояли еще и другие авиационные части. В общении, авиации было предостаточно для крупных событий.

29 декабря — обыкновенное военное утро. Мы занимались изучением района полетов, когда неожиданно в землянку вошел командир эскадрильи капитан Анатолий Кисляков.

— Зовил начальника штаба. Есть интересное задание, — сказал он — Чужна шестерка настоящих парней... Можете, кто пойдет добровольцев?

Нас в землянке было одиннадцать, но все, переглянувшись между собой, промолчали.

— Понимаю, понимаю... скромность не позволяет. Что ж, показало. — И уже другим голосом, сказал:

— Со мной пойдет Лоренц,

вторая ударная пара — Безродный с Амкаладзе и третья — Мухин и Пасько. Пошли.

Через несколько минут мы уже находились в штабной землянке командира полка

Набрав заданную высоту над аэродромом, вся группа встала на боевой курс. Погода стояла отличная, воздушная обстановка благоприятствовала выполнению задания. До линии

не видят, предприняв обманный маневр, чтобы потом выхватить более выгодную позицию для решающей схватки. «В атаку!» — командовал Кисляков. И резко бросив маши-

минут пять, приземлился и Кисляков. Мы с Пасько подбежали к нему, помогли освободиться от парашютных люков. Первое, о чем торопливо спросил командир, это о раз-

— Слыхали? — поднялся он со стула. — Будете знать, как самовольничать. А если бы разведчик не вернулся... Что тогда?

— Я во всем виноват, — глухо оборвал Кисляков.

А кто же еще? — подтвердил генерал. — Можете идти.

Вечером в кабинете командующего воздушной армией состоялся такой разговор.

— Даниил Федорович, — убеждал Кондратьев заместителя по политическим частям полковник Выволокин. — Летчики подвиг совершили. Из восьми самолетов половину уничтожили. Причем, дрались в меньшинстве. Может, воздержаться от наказания?

— Но они же бросили разведчика на произвол судьбы, — стоял на своем Кондратьев.

— Все это так, — примирительно ответил начальник политдела армии полковник Драйчук. — Кисляковцев наказывать следовало бы. Но разведчик задачу выполнил, ничего с ним не случилось. А если бы они не атаковали немцев, то неизвестно, чем бы все кончилось.

Командующий вышел из-за стола. Теперь он уже поостыл, и все случившееся утром представало несколько в другом свете.

— Хорошо, — решительно сказал он. — Уговорили.

А когда Выволокин и Драйчук уже собрались уходить, Кисляков и его орлов представили к награде. Завтра же.

Отгремел салют Победы. Друзья мои, как и я, вернулись к мирному труду. Правда, война прошла не бесследно. Но от этого мы не стали слабее, наоборот. Мы прошли суровую школу и еще больше полюбили жизнь, прочувствовали ее цену. И нам, боевым ветеранам, не стыдно смотреть прямо в глаза своему поколению. Мы сделали все, что могли сделать!

Ростислав ЛОРЕНЦ, бывший летчик-истребитель, офицер запаса.

На фото — лётчик Кисляков. Второй справа Р. Лоренц.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОЗДУШНОГО БОЯ

подполковника Родионова, где также присутствовали заместитель командарма генерал-майор Полянин и командир дивизии полковник Иванов и еще какие-то неизвестные мне старшие офицеры. Значит, назревает что-то серьезное.

Когда все расселись вокруг большого штабного стола, генерал Полянин поставил боевую задачу. Были обговорены все вероятные варианты встречи с противником, зонная зенитного обстрела, взаимодействие с самолетом-разведчиком, которого нам предстояло сопровождать в охранении, и прочие детали. В заключение генерал предупредил:

— Имейте в виду, это задание Ставки Верховного Главнокомандующего. С разведчиком глаз не спускать. Иначе... Но он не договорил, что будет иначе.

В десять часов утра тридцатого декабря в ясное небо первым поднялся самолет-разведчик. За ним стартовала лётка «назорок». Мотор истребителя старшего лейтенанта Амкаладзе не хотел запускаться, и ему на задание идти не пришлось.

фронта оставалось километров 10—15.

Я шел вблизи ТУ-2 с некоторым превышением. Слева следовал Кисляков, а в вышине, лобовиком, полетели, маневрировала ударная тройка. Самолет ТУ-2 новой конструкции типовой КБ являлся современным скоростным бомбардировщиком. Он еще не участвовал в боевых действиях и был секретным.

По данным оперативной разведки мы знали, что против нашего фронта активно орудовало соединение вражеских войск под командованием полковника Мельдере. Это были моторные воздушные воли, среди которых особенно отличался шестерка лётчик Герман Ганс Геан.

Не успели мы пересечь линию фронта, как в наушниках шлемофона раздался знакомый голос Володи Безродного:

— Всем внимание! Сзади, внизу — «мессереры»!

Я обернулся и на светлом фоне болота «Невий мох» отчетливо увидел четыре паритонки, как осы, немецкие истребители. Они шли в направлении нашего аэродрома и, по-видимому, еще нас не обнаружили или делали вид, что

ну в полупереворот, кинулся на ведущую пару противника. Еще секунда — и я бросился за командиром. С первого же захода Кисляков зажег ведущего восьмерки. Вначале немцы растерялись от неожиданного нападения и потеряли своего ведущего. Но вскоре опомнились и начали оказывать отчаянное сопротивление. Бой разгорелся жестокий и непримиримый. Весь комплекс высшего пилотажа лег в основу неравной схватки. Враг отлично владел техникой пилотирования. Но на нашей стороне была инициатива и напор. Дома, горю, и стены помогают! Несколько раз фашисты открывали огонь, но пули и снаряды не достигали цели. Мне до этого ни разу не приходилось попадать в такие крупные переделки, но я крепился, стараясь не отставать от своих, более опытных товарищей. Наконец, один из вражеских лётчиков, не выдержав напряжения, попытался выйти из боя. Он бросил свою машину в отвисное пикирование. Я заметил это, и — за ним. Убегавших всегда бьют! И он не ушел! «Мессершмитт» загорелся, оставляя шлейф черного дыма.

После моей посадки, спу-

ведчике. Не дожидаясь ответа, добавил:

— Дернуло меня атаковать мессеров... Но случай-то какой был!

— Не волнуйся, командир. Вои-он целехонкий, — указал на дальнюю стройку Пасько. У Кислякова моментально просветлело лицо, и он устало улыбнулся.

— А как бой закончили? — Я одного подбил, — доложил Пасько.

— И я одного, — добавил я.

— Что ж, четыре самолета — это неплохо.

На командном пункте, где находился генерал Полянин, было жарко и накурено. Мы, еще не остывшие после воздушного боя, несмело вошли, встали в сторонке, опустили головы. Генерал в это время разговаривал по телефону с командующим.

— Да, разведчик задание выполнил, — докладывал он, стараясь перебить шум работающей на улице моторов. — Где Кисляков? Здесь стоит. Наказан? Всех строго наказан? — повеселел он. — Хорошо, будут направлены в штрафной батальон.

Закончив разговор, генерал сурово посмотрел на нас.

